

ШЕСТИДЕСАНТНИК

Евгений ЕВТУШЕНКО

Потерявшиеся Никаноровы

Если потеряем их всех, мы потеряем Россию

В пермском аэропорте,
настроенье всем портя,
хмуро вторгнувшись в гул,
кто-то из контролеров,
нудный выказав норов,
в микрофон затынул:
«Пассажир Никаноров,
пассажир Никаноров,
пассажир Никаноров,
вылетающий
на Барнаул...».

Никаноров скрывался,
хитро он оставался
невидимкой в толпе.
Может, пил пиво «Дизель»,
и жевал канале,
и в буфете приблизил
пол-России в гульбе.
Вряд ли был олигархом —
может, бомжем-огарком,
непонятным себе?

Может быть, на коробках
и мешках прикорнул
гражданин Никаноров,
вылетающий в Барнаул?

Может, в луже, как боров,
где-то он хранился,
гражданин Никаноров,
вылетающий на Барнаул!

Может, он сгезертирил
ото всех гедовщин,
прячась в женском сортире
от военных мужчин?

И страшней приговоров
и зрачков черных гул
голос, полный укоров:
«Гражданин Никаноров,
гражданин Никаноров,
гражданин Никаноров,
вылетающий на Барнаул!!!».

И смертельнее пули
у меня жжет в груди:
что хотел в Барнауле
Никаноров найти?

Бросил нас на кого он
в скуку, пьянь и разгул,
гражданин Никаноров,
вылетающий на Барнаул?

Как же всех наколол он
и куда улизнул,
гражданин Никаноров,
вылетающий на Барнаул!

Может, мертвенно-
мрачный
Сов. Союза герой,
с голодовок прозрачный,
позабыт он страной?

Может, где-то, отчаясь
в потайном уголке,
он висит, не качаясь,
на тугом ремешке?

Сгинул, как сиротинка.
И такая жутинка,
будто голос, как финка,
по кишкам полоснул,
хоть кричи: «Караул!»
в глушь российских

просторов:
«Гражданин Никаноров!
Гражданин Никаноров!
Гражданин Никаноров,
вылетающий на Барнаул...».

Мы — народ потерявшихся Никаноровых. Нет страшнее привычки, чем привычка к человеческим потерям. Еще бы — за нами и 27 миллионов убитых Гилером, и до сих пор застенчиво не подсчитанные миллионы убитых Сталиным. Солженицынская цифра, включающая и Гражданскую войну, и жестокости коллективизации, — 66 миллионов. На этом фоне цифры потерь в Афганистане и сейчас в Чечне могут показаться микроскопическими. Но если бы в какой-то самой гуманной войне убили бы только одного солдата, то все равно невозможно было бы объяснить его матери, что эта война была добрая и хорошая.

Некоторые обвиняют во всем политику, и она тоже виновата, но не больше, чем мы сами. Слишком многое и слишком долго мы терпели, а в наказание терпим привычку терпеть. Главная беда в том, что, начиная, пожалуй, с первых послепутчевых дней, несмотря на ожидание потепления человеческих взаимоотношений между властью и народом и народа — с самим собой, стало происходить душевное похолодание. Как-то нетепло, неучастливо друг к другу мы стали жить.

Сначала стало промозгло, а потом как-то мерзловато. Так называемый свободный рынок оказался нетопленным цирком, где Никаноровым было холодно и неуютно.

Никаноровы подняли воротники, пытались отдышать посиневшие руки и ничего не понимали, кроме одного: что их, кажется, надувают. Но деньги за билеты — то бишь за ваучеры — были уже уплотнены.

Им показали фокус, достойный великого Кию, в августе 1998-го, когда четыре с половиной миллиарда долларов иностранного займа, вроде бы положенные в государственный банк, вдруг в нем волшебным образом не очутились, а заменивший их шустренький и вроде бы целомудренно белянский голубок мира по инерции еще паралал готовками пустое дно национального сейфа.

Что сейчас происходит? Понятие «народ» потихонечку исчезло, потому что людей ничто не соединяет, кроме телевизора. Население разделилось на очень богатых и очень бедных. Богатые, даже те, кто еще ходит в «своих», небезосновательно побаиваются и государства, и бедных, а бедные не доверяют государству и завидуют богатым. Никаноровы где-то между и независимы. Иногда оказываются в бедных, но почему-то никогда — в очень богатых. Почему? Да потому, что этого им не надо. Им надо в их Барнаулы, где у них есть дела, и, может быть, немаловажные. Может быть, эти Барнаулы когда-нибудь и москвичам нос утрут, да и питерским. Но эти наши Никаноровы все время куда-то деваются, а мы их не можем найти, а иногда и спасти.

Это они стучали кувалдой в дно затонувшей подлодки «Курск», а большие начальники, вместо того чтобы немедленно попытаться спасти их любой ценой, амбициозно увивали от предлагаемой иностранной помощи. Но тот, кто спасает не людей, а собственное лицо, теряет его навсегда. То, что в недавней истории с батискафом наконец-то поставили человеческие жизни выше культа военных секретов и так называемой чести мундира, дает надежду — что и у нас, в стране

мерзлоты, есть непотерянный шанс на потепление отношений друг с другом, на превращение разделенного кричащим неравенством населения в народ.

В сегодняшних газетах почти каждый день появляются фотографии бесчисленных Никаноровых — и детей, и взрослых, которые ушли ненадолго и не вернулись. Многие становятся жертвами не столько маньяков, сколько скучающих подростков, которые, надыхавшись каким-нибудь дихлофосом под целлофановыми пакетами, доказывают самим себе, что они «не твари дрожащие, а право имеют». В бытовых ссорах, доходящих до убийств кухонным ножом или бутылкой по голове, гибнет в тысячи раз больше Никаноровых, чем в терактах. Убийцы чаще всего не могут даже объяснить — почему. Вообще-то они вроде не злые. Но от общей озлобленности жизнью злость обычно срывают не на тех, кто виновен, а на тех, кто под рукой.

Печально, что мы теряем столько еще неродившихся Никаноровых — может быть, Сахаровых, Шостаковичей, Тарковских. Их выскребают из их матерей, потому что молодые родители не уверены в завтрашнем дне, и необъятные просторы России все больше и больше пустеют, тоскуя по новым Никаноровым. А еще печальнее, когда все-таки родившихся, но брошенных родителями в детдома крошечных Никаноровых продают за границу.

Если мы потеряем всех Никаноровых, мы потеряем Россию.

Самолет Москва—Атланта,
специально для «Новой»